

**Андреа Марколонго. Гениальный язык
Девять причин полюбить греческий**

Ad Marginem

Андреа Марколонго

**Гениальный язык. Девять
причин полюбить греческий**

«Ад Маргинем Пресс»

2016

УДК 811.14(091):821.131.1-4
ББК 84(4Ита)6-46+81.45-03

Марколонго А.

Гениальный язык. Девять причин полюбить греческий /
А. Марколонго — «Ад Маргинем Пресс», 2016

ISBN 978-5-91-103667-6

Древнегреческий язык, навеки погрузившийся в молчание, до сих пор поражает своей красотой, глубиной и человечностью. В эпоху социальных сетей и мессенджеров, когда наша речь стремительно упрощается и превращается в набор смайликов, Андреа Марколонго, писательница и журналистка, выпускница классического лицея, предлагает обратиться к мертвому языку, дабы воскресить всё то, что теряют языки живые. Ее книга, ставшая неожиданным бестселлером в Италии и Франции, а затем переведенная на все основные европейские языки, – не академическая грамматика, а чувственное и страстное признание в любви к «гениальному» древнегреческому.

УДК 811.14(091):821.131.1-4

ББК 84(4Ита)6-46+81.45-03

ISBN 978-5-91-103667-6

© Марколонго А., 2016

© Ад Маргинем Пресс, 2016

Содержание

Введение	6
Когда – никогда. Вид	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андреа Марколонго

Гениальный язык. Девять причин полюбить греческий

Questo libro è stato tradotto grazie a un contributo del Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale italiano / Эта книга переведена благодаря финансовой поддержке Министерства иностранных дел и международного сотрудничества Италии.

© Gius. Laterza & Figli, all rights reserved, 2016

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2023

* * *

Посвящается Ливорно, Сараево, мне самой

Введение

*Море сжигает маски
Едим раствором соли.
Люди и все их маски
Сверкают на берегу.*

*Ты одна устоишь
На костре карнавала.
Ты, что без маски прячешь
Жизненное искусство.*

*Джорджо Капрони.
Из книги «Хронистория»*

«Странно» – очень странно – «...что, несмотря на бесчисленные разрешения и лакуны, кто скажет, из каких разнородных обломков составлено наше так называемое знание греческого и насколько совпадает наше представление о нем с исконным его смыслом? <...> несмотря на все эти препятствия, мы рвемся к знанию древнегреческого, стремимся постичь его тонкости, он неизменно притягивает нас», – пишет Вирджиния Вулф. Потому что мы «невежды и двоечники по этому предмету, раз нам не известно ни точное произношение древнегреческих слов, ни природа комического у греков – мы даже не представляем, где надо смеяться по ходу драмы...»¹

Я тоже *странная* – более чем...

И благодарна этой странности, ненамеренно, как всё прекрасное, что случается в жизни, приведшей меня к написанию книги о древнегреческом языке. В силу своей странности я загорелась желанием не только изучить его, но и рассказать о нем.

Вам. Опять-таки, разумеется, от лица худшей ученицы в классе, но хотя бы способной теперь сказать, где именно следует смеяться.

Мертвый язык и живой язык.

Лицейская пытка и мытарства Одиссея.

Перевод или иероглифика.

Трагедия или комедия.

Понимание или недоразумение.

В основном, любовь или неприязнь.

А значит, бунт.

Для понимания греческого – точно так же, как и для понимания жизни – нужен не талант, а решимость действовать.

Я написала книгу лишь потому, что влюбилась в древнегреческий язык в детстве; по большому счету, это самая длинная в моей жизни любовь.

Теперь же, став взрослой женщиной, я хотела бы попробовать подарить (или вернуть) немного любви разлюбившим этот язык – почти всем взрослым, которые окунулись в него, будучи лицеистами. И даже, может быть, влюбить в греческий тех, кто его совсем не знает.

¹ Вулф В. О глухоте к греческому слову [1925] / пер. Н. Рейнгольд // В. Вулф. Обыкновенный читатель. М.: Наука, 2012. С. 25. – Здесь и далее астерисками обозначены примечания редактора, а цифрами – примечания автора.

Да, моя книга прежде всего о любви – к языку, но главным образом к человеческим существам, которые говорят на нем, а коль скоро никто на нем больше не говорит, – к тем, кто его изучает, по нужде или повинуюсь неотвратимому влечению.

Поэтому неважно, знаете вы древнегреческий или нет. Вам не придется сдавать экзамен на аттестат зрелости и писать неожиданные контрольные. Но неожиданностей будет хоть отбавляй.

И неважно, учились вы в классическом лицее или нет. Будет даже лучше, если не учились. Я постараюсь силой собственной фантазии провести вас по лабиринту греческого языка, чтобы вы смогли достигнуть конца этого пути, вооружившись новым способом осмысления мира и своей жизни, на каком бы языке вы ни говорили.

Вы учились в лицее? Еще лучше! Если мне удастся ответить на вопросы, которыми вы никогда не задавались или которые остались без ответа, быть может, дочитав эту книгу до конца, вы вернете частичку самих себя, утраченную в юности, посвященной – непонятно зачем – штудированию греческого, и возможно, та частичка окажется для нынешних вас полезной. Очень полезной.

В обоих случаях на страницах данной книги мы с вами сможем *поиграть в мышление на древнегреческом языке*.

Каждый человек на протяжении своей жизни наверняка сталкивался с греческим и древними греками. Кто-то – вытянув ноги под партой лицея, кто-то – в театре на постановке греческой трагедии или комедии, кто-то – в белоснежных коридорах многочисленных археологических музеев; так или иначе, *ощущать себя греком*, похоже, бывает немногим живее и ярче мраморной статуи.

Всем без исключения говорили, а может, даже не говорили, поскольку данная мысль более двух тысячелетий остается неизменной и уже вползла под кожу и въелась в мозг каждого европейца: «Всё, что ни есть прекрасного и непревзойденного из сказанного и сделанного в мире, впервые сказали и сделали древние греки». Ясное дело, на древнегреческом языке.

Почти никто не знаком с ним напрямую; единственное, в чем мы уверены, так это в том, что *древнего грека, говорящего на древнегреческом*, больше не существует. О нем лишь «слышали», а может, и не слышали, как уже было сказано; это так – и точка. Уже много веков.

Предполагаемое *греческое культурное наследие* безвозмездно перешло нам от древнего народа, с которым мы не знакомы, на языке, которого не понимаем.

Бесподобно!

Ужасно, когда тебе велят полюбить то, чего ты не понимаешь; такой приказ уже вызывает ненависть!

Мы гордимся греками и древнегреческим языком, стоя перед мрамором Парфенона или посещая театр Сиракуз, словно их сотворили наши предки, наши далекие прапрадеды. Нам приятно представлять их под солнцем какого-нибудь островка, погруженными в измышление философии или историографии; сидящими в театре, что раскинулся на склоне холма, и созерцающими трагедии и комедии; или же ночью, когда они глядят на небо, полное звезд, раскрывают тайны мироздания и астрономии.

Но в глубине души мы всё же ощущаем неуверенность в себе, как на экзамене по истории чужой страны: вдруг да и забудем *что-нибудь* о Древней Греции? А греческий язык – как раз и есть это непонятное нам *«что-нибудь»*.

«Греция – абсурдный и трагический миг человечества», – писал Никос Диму в своем известном «Несчастье»².

² Никос Диму (род. 1935) – греческий писатель, автор книги «Несчастье быть греком» (1975).

Мы тем самым не просто приближаемся (как отлученные или отвлеченные) к древнегреческому культурному наследию. Стоит нам ухватить хотя бы кроху того, что древние греки оставили нам в дар, и мы становимся жертвами самых ретроградных и ортодоксальных схоластических систем на свете (конечно, это мое мнение – мнение всё той же *худшей ученицы в классе*, а после выхода книги, вероятно, провалившей экзамен и исключенной из школы).

Классический лицей, в силу своей структуры, нацелен, по-видимому, лишь на удержание древних греков и их языка на недостижимой высоте, в немоте и славе Олимпа, в пеленах робкого благоговения, нередко превращающегося в священный ужас и поистине земное отчаяние.

Принятые методы обучения (если исключить немногих просвещенных преподавателей) гарантированно внушают скорее ненависть, нежели любовь тем, кто осмелится подступить к изучению древнегреческого языка. В результате мы капитулируем перед *наследием*, которое оказывается уже совсем ненужным, поскольку, стоит только коснуться его, как мы в страхе бежим прочь, стыдясь своего непонимания. Большинство людей сжигает внутри себя греческие корабли, как только оканчивает школу.

Среди читателей данной книги окажется немало тех, кто вспомнит *свой* липкий страх перед древнегреческим, изнурение, ярость, отчаяние и обнаружит в моей истории описание всех этих чувств. И все-таки я пишу данные строки, убежденная в том, что нет смысла изучать что-либо и потом благополучно это забывать, особенно если вы трудились над чем-то в поте лица пять или более лет.

Моя книга, следовательно, не является традиционной грамматикой древнегреческого языка – ни дескриптивной, ни нормативной. Она ни в коем случае не претендует на академизм (к которому прибегали другие авторы на протяжении тысячелетий).

Но, конечно, данная работа претендует на страсть и вызов. Это словесный (а не дословный) отчет о некоторых особенностях великого и изящного языка, каким является древнегреческий, о его молниеносной, синтетической, иронической, открытой манере выражения, по которой – что греха таить – мы неосознанно тоскуем.

Древнегреческий – что бы вам о нем ни говорили (а главное – *не* говорили) – прежде всего язык.

Каждый язык любим своим словом служит для описания мира. И этот мир ваш. Благодаря языку у вас есть возможность формулировать мысли, выражать чувства, сообщать о своем состоянии, изъявлять желания, слушать песни, писать стихи.

В наше время, когда все мы связаны с *чем-то* и крайне редко – с *кем-то*, когда слова выходят из употребления, сменяясь смайликами и другими современными пиктограммами, в этом всё убыстряющемся мире и в этой реальности, настолько виртуальной, что люди превратились в записи о самих себе, мы фактически перестали выражать свои мысли словами и понимать друг друга.

Язык, или то, что от него осталось, становится всё банальнее: многие ли нынче звонят по телефону (я имею в виду – набирают номер, чтобы услышать человеческий голос) от любви? И когда вы в последний раз писали письмо (я имею в виду – ручкой на листе бумаги) и, лизнув марку, наклеивали ее на конверт?

Разрыв между значением слова и его толкованием растет не по дням, а по часам, точно так же как недоразумения и недомолвки – прямо пропорционально сожалениям и неудачам. Мало-помалу теряется способность говорить на языке – абсолютно на любом. Понимать и объясняться. Рассказывать о сложном простыми, подлинными, искренними словами – вот в чем силен древнегреческий язык.

Вам это покажется странным (так ведь я с самого начала сказала, что я *странная*), но чтение книги, посвященной греческому, поможет вам в повседневности (я не о том, что у вас

появится возможность наконец доделать просроченные домашние задания: о них уже позаботилась сама жизнь).

Да, именно *тот* древнегреческий. Если подойти к нему без страха (и запасшись изрядной долей безумия), он позволит заглянуть ему в глаза и даже поговорит с вами. Громким чистым голосом. С тем, чтобы, подумав, издать звук, выказать желание, выразить любовь, избавиться от одиночества, прочувствовать время и наконец-то обрести свое видение мира и выразить его на собственный манер. Ибо (вновь обращаясь к тому же эссе Вирджинии Вулф) «...мы всякий раз к ним [древнегреческим авторам] обращаемся, когда нам тошно от царящей вокруг неопределенности <...> от времени, наконец, в которое нам выпало жить»³.

Написание книги, посвященной древнегреческому языку, стало для меня беспримерным человеческим опытом. Я вновь открыла смысл слов, написанных на школьной доске тысячу лет назад и тут же стертых после звонка – забытых.

Отправной точкой послужило воспоминание обо мне самой, почти ребенке, который корпел над чужим алфавитом, пока не увидел свой собственный язык, то есть собственную человеческую натуру, в абсолютно новом свете.

Я вытащила из коробок, переживших свыше десяти переездов, учебники, где, будучи четырнадцатилетней, писала рядом со склонениями слов имя соседа по парте, учебники, что сопровождают меня всю жизнь, из одного города в другой вместе с ключами от оставленных домов.

Попытавшись прогнать мысли, мучающие меня более десяти лет, я поняла, что достаточно разделить их с близкими: мы, порой безотчетно, думали об одном и том же. Но никогда друг другу в этом не признавались.

Я помогла ребятам, которые нынче, в 2016 году, борются с греческим в классическом лицее, и многому научилась у них; они задавали мне те же вопросы, какие ставила и я, будучи неопытной и в греческом языке, и в жизни. Ведь когда спросишь о чем-то, уже не сможешь отозвать свое любопытство, как ни старайся; именно так поступала я сама, хотя мне потребовалось невероятно много времени, чтобы найти или придумать ответ.

В компании многих друзей, теперь уже взрослых и прошедших сквозь те же мытарства с древнегреческим, я шутила, обнаруживая, что любой, кто начинает учить этот язык, хранит в ящике целую коллекцию конфузлов – вот где нужно смеяться!

А главное, я пыталась излагать странности древнегреческого и тем, кто никогда его не изучал. Невероятно: они меня понимали, мы понимали друг друга. И хорошо. Быть может, так даже лучше.

Я, такая *странная*, выучилась благодаря *виду* в греческом языке иначе воспринимать время, а затем говорить о нем.

Я сдула столько зонтиков одуванчиков, загадывая желания *в оптимисте* и подсчитывая, насколько сильно хочу осуществить их, что теперь к концу весны в полях вокруг Сараево эти цветы почти не вырастают.

Я однажды сказала «люблю тебя», употребив греческое двойственное число, означающее «мы оба» – только мы с тобой.

Я осознала жестокость вынужденного молчания, но и то, что иной раз музыку можно не только слушать, но и *смотреть*.

Я даже примирилась с моим мужским именем, – Андреа, – хотя считала ту битву давно проигранной.

³ Вулф В. О глухоте к греческому слову [1925] / пер. Н. Рейнгольд // В. Вулф. Обыкновенный читатель. М.: Наука, 2012. С. 37.

В процессе написания книги «странное чувство»⁴, бушевавшее меня, как это ни парадоксально, стало менее странным. Словом, благодаря древнегреческому (его пониманию или, по меньшей мере, интуитивному ощущению) мне удалось поведать намного больше, а отнюдь не меньше, и себе самой, и другим.

Надеюсь, то же самое случится и с вами, когда вы прочтете эти страницы. Надеюсь, вы сможете добраться до сути, зная, где нужно смеяться и как насладиться древнегреческим языком – хотя бы раз в жизни.

⁴ *Вордсворт У.* Прелюдия: 1805 [1805] / пер. Т. Стамовой; сост. Е. Халтрин-Халтуриной // У. Вордсворт. Пребывание в Кембридже. М.: Наука, Ладомир, 2017. С. 49.

Когда – никогда. Вид

*Настоящее и прошедшее,
Вероятно, наступят в будущем,
Как будущее наступало в прошедшем.
Если время всегда настоящее,
Значит, время не отпускает.
<...>
Шаги откликаются в памяти
До непройденного поворота
К двери в розовый сад,
К неоткрытой двери⁵.*

*Томас С. Элиот. Бёрн Нортон.
Из цикла «Четыре квартета»*

Время – наша тюрьма: прошлое, настоящее, будущее. Рано, поздно, сегодня, вчера, завтра. Всегда. Никогда.

Древнегреческий мало заботился о временах, а то и вовсе не делал этого. В своих высказываниях греки учитывали *влияние действий на говорящих*. Они, будучи людьми свободными, всегда спрашивали себя – *как*. Мы же, будучи людьми пленными, вечно спрашиваем – *когда*.

Не поздно или рано, а как нечто *происходит*. Не *моментально*, а в *процессе развития*.

Не время, а вид. Вид есть категория древнегреческого языка, относящаяся к качеству действия, без того чтобы помещать его в прошедшее, настоящее или будущее. Мы привыкли располагать происходящее вдоль четкой временной линии; у каждого она своя – прямая или извилистая.

Древние греки рассматривали факты в их становлении, время приходило потом, с другими лингвистически вторичными категориями, – если вообще приходило, ведь очень часто *время фактов* не наступало никогда.

Платон в «Тимее» (строки 37е–38с) касается времени, приводя все видовые варианты глагола γίγνομαι – «возникать» и глагола εἶμι – «быть»:

Ἡμέρας γὰρ καὶ νύκτας καὶ μῆνας καὶ ἐνιαυτούς, οὐκ ὄντας [настоящее] πρὶν οὐρανὸν γενέσθαι [аорист], τότε ἅμα ἐκείνῳ συνισταμένῳ τὴν γένεσιν αὐτῶν μηχανᾶται· ταῦτα δὲ πάντα μέρη χρόνου, καὶ τὸ τ' ἦν [имперфект] τὸ τ' ἔσται [будущее] χρόνου γεγονότα [перфект] εἶδη, ἃ δὴ φέροντες λαμβάνομεν ἐπὶ τὴν αἰδίου οὐσίαν οὐκ ὀρθῶς. λέγομεν γὰρ δὴ ὡς ἦν [имперфект] ἔστιν [настоящее] τε καὶ ἔσται [будущее], τῇ δὲ τὸ ἔστιν [настоящее] μόνον κατὰ τὸν ἀληθῆ λόγον προσήκει, τὸ δὲ ἦν [имперфект] τὸ τ' ἔσται [будущее] περὶ τὴν ἐν χρόνῳ γένεσιν ἰοῦσαν πρέλει λέγεσθαι.

Ведь не было ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни годов, пока не было рождено небо, но он уготовил для них возникновение лишь тогда, когда небо было устроено. Всё это – части времени, а «было» и «будет» суть виды возникшего времени, и, перенося их на вечную сущность, мы незаметно для себя делаем ошибку. Ведь мы говорим об этой сущности, что она «была»,

⁵ Пер. А. Сергеева.

«есть» и «будет», но, если рассудить правильно, ей подобает одно только «есть», между тем как «было» и «будет» приложимы лишь к возникновению, становящемуся во времени, ибо и то и другое суть движения⁶.

Τό τε γεγονός [перфект] εἶναι γεγονός [перфект] καὶ τὸ γιγνόμενον [настоящее] εἶναι γιγνόμενον [настоящее], ἔτι τε τὸ γενησόμενον εἶναι [будущее] γενησόμενον [будущее] καὶ τὸ μὴ ὄν [настоящее] μὴ ὄν [настоящее] εἶναι [настоящее], ὧν οὐδὲν ἀκριβές λέγομεν.

К тому же мы еще говорим, будто возникшее есть возникшее и возникающее есть возникающее, а имеющее возникнуть есть имеющее возникнуть и небытие есть небытие; во всем этом нет никакой точности. Но сейчас нам недосуг всё это выяснять.

Вид был прежде всего способом мышления, делившим события мира и жизни на «совершенные» и «несовершенные» – perfecta и infecta. Иначе говоря, начало и конец. Всякий язык предполагает особый взгляд на действительность. Если в древнегреческом время лишь вторично, стало быть, существуют *начало и конец вещей*. Всего сущего.

Вид обозначал как раз протяженность от любого конца к любому началу. Сколько длится действие и как. Как начинается, как развивается, как завершается. Чем становится. Именно вид был нужен, чтобы выразить, *как и что рождается от каждого начала и каждого конца*.

Что будет, если ты видел, и теперь, стало быть, знаешь, если доверился и теперь, стало быть, веришь, если написал, и теперь некогда пустая страница полна слов. Если отправился и прибыл – неважно, когда, – и *теперь ты здесь*.

Нелегко это понять нам, пришедшим в мир с мыслью о том, что между каждым началом и каждым концом протекает определенное слишком большое или слишком малое время, и что данное время – всё, что у нас есть. Нелегко это расшифровать нам, говорящим и думающим на языке, в котором, как в большинстве современных языков, всякое действие привязано к определенному моменту – прошедшему, настоящему, будущему, – однако же ничего ко времени привязать нельзя, ибо оно непременно перейдет во что-либо иное. Мало того – уже перешло. Нелегко заметить происходящее нам, ибо мы носим раны в ожидании, что они зарубцуются, доверяем целительной силе времени. Нелегко думать вне времени, но ведь времени нет, есть конец всякого начала и начало всякого конца. Крестьяне и моряки знают: надо сжать, чтобы посеять и снова собрать урожай, надо причалить, чтобы сняться с якоря, переплыть море и вновь причалить. Нелегко нам, вечно глядящим на часы, в ежедневник, календарь, занятым материальным обеспечением жизни во времени, увидеть, что всё меняется и при этом остается неизменным: слова «остаюсь» и «жду» происходят от одного корня в греческих глаголах μένω и μίμνω.

Нелегко нам, но не древнегреческому языку, в котором осознается не время, а процесс, и с помощью вида глаголов выражается качество вещей, которое словно постоянно ускользает от нас; мы то и дело спрашиваем себя «когда?», ни разу не почувствовав – «как?».

Вид греческого глагола – пожалуй, самое славное наследие индоевропейского, одного из первых языков, на которых говорило человечество, исчезнувшего, а посему ныне лишь гипотетического.

Языки, пришедшие потом, разве что рассыпали накопленное наследие по научным и языковым индоевропейским амбарам ради экономии – именно так, *принципом экономии*, именуется в лингвистике упрощение и, следовательно, профанация языка.

⁶ Здесь и далее пер. С. Аверинцева.

Тысячелетиями одно за другим общество претерпевало изменения, народы переселялись, из кочевников становились скотоводами, потом горожанами; необходимо было выражаться быстрее, торопливее, чтобы изъясняться и быть понятыми. Мир делался сложнее, и, как это ни парадоксально, ему нужен был более простой язык – так всегда происходит, когда реальность становится трудновыразимой; взять хотя бы нынешнее общение: смайлики – современные пиктограммы. Никто уже не звонит по телефону, и умение разговаривать забывается.

Структура индоевропейской глагольной системы была весьма оригинальной. В ней отсутствовало привычное нам спряжение на основе времени, которое мы учим в начальной школе: «Я ем, я ел, я съел, я поел». Вместо этого были глагольные основы, не связанные между собой никакой зависимостью от времени.

Древнегреческий язык, начиная с Гомера, сохранил индоевропейскую оригинальность и старинный, чистейший способ видения мира вне времени.

Повторюсь, нам нелегко отбросить вещественное «когда?» и рассуждать при помощи «как?». Нелегко, ибо мы лингвистически немые и не умеем говорить вне времени.

Попробуем увидеть, чтобы после суметь. Попробуем понять вид, чтобы после сказать. Потому что время *бессловесно*, а вид – нет. Ведь слова всегда можно подыскать.

Для тех, кто не учил греческий в школе, понимание вида станет упражнением в области *лингвистической свободы*. Для тех же, кто учил его в лицее или университете, оно, возможно, даст ответ на ранее не приходившие в голову вопросы. Это станет чем-то большим, нежели практикой лингвистической свободы, возможно, даже *лингвистическим освобождением*. Для некоторых – революцией. Для всех – запоздалой компенсацией лет, потраченных на бессмысленное, бездумное заучивание глаголов.

Категория древнегреческого вида в современных школьных учебниках занимает в лучшем случае полстраницы, не больше. Зато таблицы глаголов, подлежащих заучиванию, располагаются примерно на сотне страниц.

Я отлично знаю: чтобы выучить иностранный язык – в том числе и греческий, хоть живой, хоть мертвый, – требуются труд, самоотверженность, упорство. Нужно развивать память, чтобы запомнить нечто, *лингвистически* чуждое нам (по-вашему, с изучением японского всё обстоит иначе?). Однако без понимания и чувства языка всякий результат обернется самоцелью или школьной зубрежкой. Без чувства вы лишь упретесь в непонимание как изучаемого языка, так и причины его изучения.

Кто учил греческий, быть может, нынче ничего и не вспомнит, но в памяти наверняка останутся дни, затраченные на повторение бесчисленных парадигм. Вот естественное следствие заучивания без понимания смысла. Вот результат приложения категории родного языка – времени – к языку, лишенному ее: неизбежное забвение. В памяти не сохранится ничего, кроме весенних вечеров, полных мук и потраченных на зазубривание того, что хочется забыть при первой же возможности; для большинства такое забвение наступает через минуту после сдачи экзамена на аттестат зрелости.

Я попытаюсь объяснить суть вида в память о юности, проведенной за мелодекламацией заученных парадигм. Я повторяла их истово, не постигая ни единой; как ведические вирши, буддистские мантры, суры Корана – всё равно. Еще и сейчас, едва услышав φέρω («несу»), я, как собака Павлова, выдаю οἶσω («буду нести») и так далее. Во время контрольной я переписывала в тетрадь глаголы, мысленно давая обеты (и посылая проклятия); на том мое лингвистическое понимание и кончалось.

Притом я не первая и не последняя такая ученица. Более того – я знаю, что подобное творится в сотнях классических лицеев Италии с ребятами, родившимися в двадцать первом веке, которые научились пользоваться мобильным телефоном раньше, чем писать.

Так что я попытаюсь сейчас, в 2016 году, объяснить это, особенно тем, кто сегодня выдерживает натиск как правило слегка безбашенной молодости в классическом лицее, чтобы внести какой-то смысл в их зубрежные вечера и бессонные, хоть и не по-петербургски белые ночи⁷ и сказать им: верьте, в том, что вы учите, есть смысл, и смысл этот прекрасен. Хотя мне и потребовались пятнадцать лет и диплом по классической филологии, чтобы это понять.

Мне, твердолобой.

Начнем с истории, раз уж нам нравится фантазировать. В случае с чужим языком, мертвым к тому же, фантазия очень пригодится; а если она смутит более осторожных читателей, я приведу примеры более академического характера.

На дворе 487 год до Рождества Христова. Поздняя ночь. Один из гнуснейших баров Пирея. Небо затянуто тучами; волны хлещут о борта стоящих на приколе трирем; редкие фонари льют тусклый свет. Новолуние.

Два друга нынче изрядно набрались: у одного нелады с женщиной, у другого – с товаром, что никак не придет в Галикарнас. Оба рассуждают, не стоит ли назавтра обратиться за советом к Дельфийскому оракулу, и у обоих на душе – хоть дегтем мажь.

Судят и рядят, между делом заливая за воротник греческое крепкое вино, которое обычно разбавляют.

Наши персонажи, похоже, не больно-то разбавили свои напитки; и как их не понять, ведь нынче вечером им больше, чем когда-либо, надобно взбодриться; но в конце концов, в жизни, как и в трактире, придется платить по счетам, и сумма выйдет немаленькой. Могли бы заплатить да уйти с честью, но нашим приятелям приходит мысль сбежать. У обоих ноги заплетаются, хозяин, ясное дело, с легкостью настигнет их на углу трактира. И тем не менее они решают бежать, что по-древнегречески *φεύγειν*.

И вот, чтобы понять суть вида, необходимо влезть в шкуру, в карман, а главным образом – в греческий язык хозяина, вышедшего на сцену.

Всего лишь в трех видах мог бы хозяин выразить свою досаду, выудив – намеренно и уж точно не наобум – одну из трех *основ* (на это я ссылаюсь недавно, когда говорила об индоевропейском наследии) глагола *φεύγειν*:

– **вид, или основа, настоящего времени**, *φεύγουσιν*, в переводе: «Разрази меня Зевс, ты глянь на них, улепетьывают!»

Наш хозяин стоит тут, возле черной бочки, и видит двоих друзей именно в процессе бегства: один спотыкается о ступеньку, другой теряет обувь. Словом, (жалкая) сцена разворачивается у него на глазах и, скорее всего, этим двоим далеко не убежать.

– **вид, или основа, аориста**, *ἔφυγον*, в переводе: «Разрази меня Зевс, да уж не стукнет ли им в башку сбежать, болванам этим?»

Хозяин сидит там, на своей скамье, ждет не дождется, чтоб лавочку закрыть, завтра ему вставать до рассвета, жена станет пилить, как каждый вечер, и так далее; и среди всех его дум брезжит мыслишка, что эти двое надумали сбежать, не заплатив.

Неважно, присутствует хозяин на сцене или нет (может, у него глаза слипаются), но смысл таков: действие побега воспринимается как таковое, безотносительно к его протяженности.

– **вид, или основа, перфекта**, *ἔφευγασιν*, в переводе: «Зевс их раздери, сбежали, паразиты!»

⁷ «Белая ночь» по-итальянски означает «бессонная».

У бедного хозяина после долгого дня в трудах руки опускаются: перед глазами стоит столик, заставленный пустыми кубками, – один даже треснул – и над ним летает счет, подхваченный мистралем. А двух пьянчуг и след простыл.

Сам побег как действие уже состоялся, и хозяину остались лишь ущерб да досада.

Предоставим теперь историю (выдуманную) двух пьяных друзей участи судьбы и вернемся к истории (невыдуманной) языка с его участью.

Прежде всего, вид был точной *грамматической категорией* древнегреческого языка, достойной уважения, как и все прочие категории, – время, наклонение, лицо, залог, – которые и поныне используются в итальянском, чтобы *понимать и объясняться*, то есть служат главной цели языка.

Просто удивительно, как такая фундаментальная категория сегодня считается изыском, чем-то ненужным, *необязательным*.

Строгая дефиниция видового значения звучит так: вид указывал на качество действия, способ, которым оно осуществлялось, и те ощущения, которые данное действие вызывало у говорящего.

Как вы наверняка заметили, в определении вида я бесконтрольно употребляю имперфект: эту грамматическую категорию, этот способ оценки событий в зависимости от их качества и последствий, вместо того чтобы вешать их на стену, как свадебные фотографии, по схеме *настоящее – прошедшее – будущее*; короче – свойство древнегреческого языка спрашивать «как?» мы утратили навсегда. Даже компьютерный автокорректор не признает более слово «видовой» – и упорно повторяет: «Ошибка!» по мере того, как я пишу, клеймя красным цветом мою «забывчивость».

Греческое вино

Как уроженка славного Кьянти, хочу поговорить о древнегреческом вине.

Его называли «Нектаром богов», или «Кровью Диониса», или «Амброзией Олимпа», а то, что градус алкоголя в нем был очень высок, само собой разумеется: это обусловлено жгучим солнцем Греции плюс традицией позднего сбора винограда, когда лоза уже теряла свои листья.

Потребление данного напитка восходит к микенской эпохе, примерно к концу II тысячелетия до н. э. Об этом свидетельствуют найденные сосуды, внутри которых благодаря химическому анализу установили содержание вина.

Виноградарство было распространено во всей Греции, и ойкисты, то есть люди, посланные отчизной за море основывать новые колонии, рассеивая по всему Средиземноморью греческие нравы и обычаи, брали с собой на борт, кроме всего прочего, побеги лозы, дабы высадить их в новых землях. Так виноградарство достигло побережий Испании, Африки, Средиземноморской Франции и Италии, которую порой именовали «Энотрия», то есть «земля лозы» именно за превосходное вино, что там производили.

Хотя пили его обыкновенно разбавленным – не только ради соблюдения общественного порядка, но главным образом по соображениям идентичности: эллины жили в страхе перед варварами, которые употребляли вино как есть, чистым. К примеру, в песни XI «Илиады» Нестор потчует врача Махаона «вином прамнейским» (то есть доставленным с Икарии, и поэтому считавшимся самым первым вином DOC, то есть контролируемым по месту происхождения, в истории), смешанным с белой мукой и тертым козьим сыром. Деликатес, иными словами: и впрямь герои Гомера лакомились

такой смесью в трудные моменты – либо понеся раны в боях, либо будучи обессиленными сражением. Было у этого месива свое имя: его звали «кикеон» (κυκεών).

Симпозий (что значит «совместная попойка») был для греков основной возможностью выпить вина, служил поводом не только для веселья, но и для обмена политическими, интеллектуальными и культурными взглядами. В то время как участники пили и ели, удобно возлежа на триклиниях, поэты и аэды воспевали общую греческую историю, в первую очередь декламируя гомеровские поэмы, и укрепляли чувство принадлежности к сообществу. А *симпозитарх*, то есть *глава симпозиума*, устанавливал, сколько вина следует употребить и как его разбавлять. Сосуды для подачи напитка имели различные формы и наименования; главнейшим был «кратер», в котором смешивали вино и воду.

Состояние опьянения имело религиозный, почти мистический смысл: считалось, что опьянение позволяет людям избавиться от узды разума и приблизиться к божеству. Отсюда появилось известное изречение поэта Алкея «ἐν οἴνῳ ἀλήθεια – in vino veritas»*, по сию пору служащее для оправдания далеко не столь возвышенного закладывания за воротник.

И наконец, вина подразделялись по цвету на белые, черные и цвета красного дерева, а по запаху – с ароматом розы, фиалки, смолы – изумительный обычай.

* Истина в вине (*древнегреч., лат.*).

Разумеется, в итальянском языке мы прибегаем к различным перифразам, чтобы указать, одномоментное ли описываемое действие или оно происходит в определенное время, причем поступаем мы так почти всегда неосознанно. Однако значение греческого вида нам непонятно, поскольку уже несколько тысячелетий наше *языковое чувство*, то есть наш способ восприятия мира и выражения его словами, лишен данного качества. Хуже того – он выброшен, выпал из дырявого кармана.

Возможно, постичь его сумел бы житель Гавайских островов, где говорят на одном из немногих мировых языков, в которых видовое значение уцелело (с некоторой натяжкой можно опознать его среди длиннющих слов, изобилующих буквой «у»). А мы – нет. Лишенные индоевропейского наследия люди могут лишь попытаться понять видовое значение, включив воображение.

Позволю себе краткое резюме, чтобы уж совсем не усложнять.

– **видовое значение настоящего**: действие длительное, развивающееся. Графически его можно представить в виде прямой линии, оканчивающейся точками, которые устремлены в бесконечность.

Пример: καλέω, «я зову тебя». С языка у меня срываются буквы, складывающиеся в твое имя, скажем, *Ло-ли-та*, если обращаться к Набокову.

– **видовое значение аориста**: однократное действие, воспринимаемое, как есть. Графически его можно представить в виде крупной точки.

Пример: ἐκάλεσα, то есть я выражаю идею призыва тебя, неважно когда, как, зачем.

Только в изъявительном наклонении этому может соответствовать наше прошедшее законченное время. Во всех остальных случаях, пожалуй, обобщенное «позову тебя» без прочих пространственно-временных уточнений способно передать смысл в общих чертах, как «позвоню тебе» после *некоторых*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.